

ПАУЛО
КОЭЛЪО

ДНЕВНИК МАГА

СОХИДЖИ

«ДНЕВНИК МАГА», или «Паломничество», как еще называют эту книгу, — это описание путешествия Пауло Коэльо по легендарному Пути Сантьяго, пройденному миллионами пилигримов со времен средневековья. В своем *поиске* он встречается мистических проводников и демонических вестников, учится понимать природу истины, для обретения Силы знакомится с упражнениями-ритуалами мистического Ордена RAM.

«Дневник мага» занимает важнейшее место в становлении Коэльо как писателя. Хотя это его первая книга, она не уступает феноменальному «Алхимику» по глубине и поиску *смысла*.

В 1986 году, когда Пауло Коэльо совершал свое паломничество, по Пути Сантьяго прошло всего 400 человек. На следующий год после публикации «Дневника мага» по этому Пути прошло более полумиллиона пилигримов.

Пауло Коэльо
Дневник мага

Начиная свое паломничество, я думал, что вот — исполняется одно из самых заветных мечтаний моей юности. Ты был для меня магом доном Хуаном, и в поисках Чудесного я прожил вьяве сагу Кастанеды.

Однако ты отчаянно сопротивлялся всем моим попыткам сделать тебя героем. Это сильно осложняло наши отношения, покуда я не осознал, что Чудесное обитает на Пути Обычных Людей. Сегодня это осознание стало одним из самых драгоценных моих достояний. Оно позволяет мне сделать все что угодно. Оно пребудет со мной до конца.

И потому, в благодарность за это понимание — которым я сейчас хочу поделиться с другими людьми, — эта книга посвящается тебе, Петрус.

Автор

Предисловие

Представьте себе царствование Рамира Первого, битву при Логроньо и святого Иакова верхом на белом коне, возглавляющего победоносное христианское воинство и наносящего поражение маврам под предводительством Абдуррахмана Второго. С той далекой поры все, кто владел землей в Кампус-Стелле, испанском городке, расположенном у подножья горы Педросо, где и разыгралось достопамятное сражение, ежегодно приносят апостолу Иакову дары в виде вина или зерна. Вскоре после битвы, когда обитатели тамошних мест уверились в том, что тело святого похоронено именно там, этот маленький городок стал местом паломничества. В 997 году мавры разграбили его, с 1809 по 1814 французы оккупировали его, но этот край уже был священен, а пути, ведущие в него, осеняла магия. Всякий путь, если только он ведет к нашим мечтам, есть путь магический.

А тот, кто следует за магией, для достижения своей мечты нуждается в Пути. Человеческий дух, с незапамятных времен отыскивающий источники, которые могли содействовать в отгадке тайн бытия, пользуется любым светом, способным разогнать окутывающий их мрак. Прелесть и чудо этой книги — в том, что она обещает: ты сам в полной мере способен пройти своим путем, достичь своей мечты, обрести свой меч.

Сантьяго, или святой Иаков Старший, был одним из двенадцати апостолов, братом Иоанна и рыбаком. После взятия Христа под стражу он скрылся из Иерусалима, но тотчас после казни вернулся туда и сделался провозвестником новой веры — столь пламенным, что Ирод Агриппа приговорил его к смерти в 44 года.

И так же, как в Сантьяго, Вера и Воодушевление очевидны в Пауло Коэльо. Когда я познакомилась с ним, то и представить себе не могла, что кто-то способен открыть мне совершенно новый и неведомый мир. И, подобно Любви в шестнадцать и Философии — в двадцать лет, Пауло Коэльо продемонстрировал мне, что мир гораздо, неизмеримо больше наших представлений о нем. Для того чтобы обнаружить сокровище, в союзники к строгой логике следует взять ослепительные прозрения *наития*. Для тех, кто проходит по дороге обретения своей мечты, феномены, невозможные с точки зрения традиционных философов, открывают возможность духовного зрения.

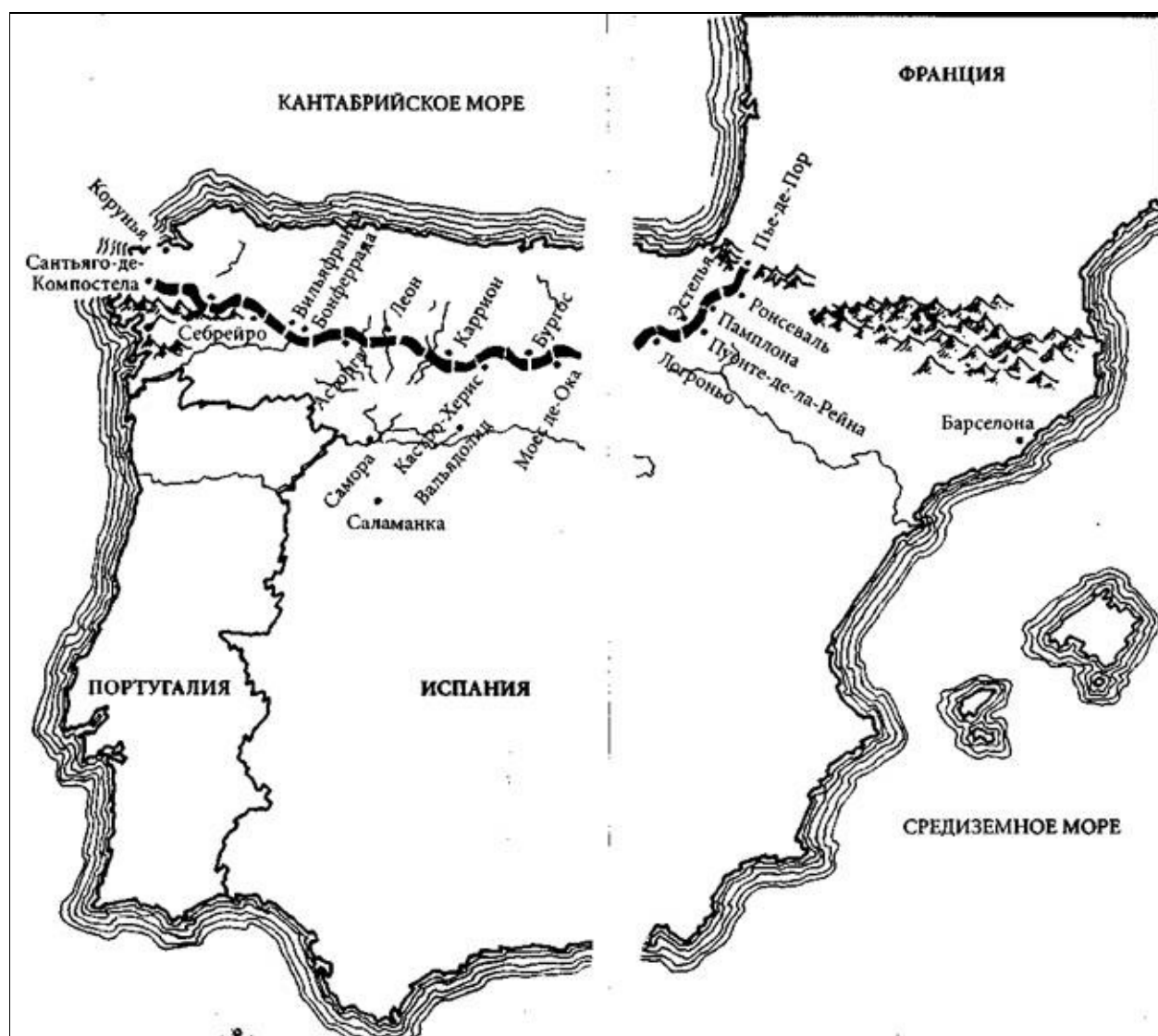
И через диалоги, которые ведут Пауло и Петрус, Путь рождается в нас самих. Вот они идут по дороге — Петрус и Пауло, Петр и Павел. Святые Петр, Иаков и Иоанн никогда не питали особо нежных чувств к святому Павлу — напротив: они, убежденные каббалисты, отдавали весьма значительную дань языческим тайнам. Св. Павел, который превосходил их интеллектуально, ибо несравненно лучше знал философию и был значительно образованней, принужден был сносить обиды от тех, кто считал, будто он отравлен Гнозисом, или мудростью греческих мистерий. И совсем не случайно те, кто свершает путь, описанный в «Дневнике мага», носят имена Петра и Павла. И вот они идут — беседуя, выпивая, подкрепляясь и открывая для себя мир.

Вера, Надежда (Воодушевление) должны привести нас к Милосердию (Любви). Пауло — человек, одаренный всеми тремя качествами. Но не Вера ли привела Сантьяго к встрече с жизнью? Не Надежда ли заставляла его совершать путь с воодушевлением? Не забудем, что по-гречески «энтузиазм» — синоним Божественного, а буквально означает «имеющий Бога внутри себя». В избытке наделен он и Любовью, которую по греческой традиции подразделяет на *Эрос*, *Филос* и *Агапе*. Последняя — и важнейшая — ипостась Любви переводилась когда-то как «трапеза», что тотчас отсылает нас к диалогам Платона. Ведь его «Пир» — тоже скорее повествование, нежели диалог, и пусть германские философы предпочли слову «Пир»,

закрепившемся в латинской традиции, слово «Симпозиум». В наши дни пиршество и симпозиум — явления принципиально различного порядка. Но ведь, подобно еде, знание, представшее перед нами, может быть попробовано, изучено, а если пришлось по вкусу — поглощено и усвоено. Знание и пища, как и предмет любви, становятся составной частью нас самих. Греки в очередной раз оказались правы.

Таков «Дневник». Это — встреча с самим собой. Это — великая мечта, обретаемая в конце долгого и трудного пути. Путь этот может быть проложен каждым — любим, кто захочет проложить его. Как и любимый им Уильям Блейк, Пауло Коэльо порывает с прежней традицией и создает свою собственную. Он променял гламур на харизму, а стереотипы — на пламенеющие символы. Для него предметы зримого мира видимы также и глазами воображения. Помня уроки Блейка, вооружась собственной, незаемной отвагой, сумел Коэльо поставить напротив друг друга тигра (опыт) и ягненка (невинность) и определить обоих как одинаково прекрасных, ибо тот и другой «увидены оком, сотворены дланью бессмертного». Путь Пауло Коэльо прекрасен и плодотворен — мы рукоплещем ему. Пусть каждый из нас попытается осуществить свой собственный.

Клаудия Кастелло Бранко

Вместо предисловия, или двадцать лет спустя

Я сижу в саду в городке, расположенном на юге Франции.

И при взгляде на горы мне вспоминается, как двадцать лет назад я прошел по этим горам пешком, впервые вступив в контакт с Путем Сантьяго.

И время будто течет вспять: предвечерний час, чашечка кофе и стакан минеральной воды, вокруг ходят и разговаривают люди. Только на этот раз декорацией этой сцене служат равнины Леона, и звучит испанская речь, и близится день моего рождения, и уже пройдено чуть больше половины пути, ведущего в Сантьяго-де-Компостелу. Я гляжу вперед и вижу монотонный пейзаж и проводника, который тоже попивает кофе в баре, возникшем словно бы ниоткуда. Гляжу назад — тот же монотонный пейзаж, и разница лишь в том, что в пыли еще виднеются отпечатки моих подошв, но это ведь ненадолго: еще до пришествия ночи ветер заметет следы. Все кажется мне призрачным. А что я делаю здесь? Этот вопрос не дает мне покоя, хотя минуло уже несколько недель.

Я ищу свой меч. Я выполняю ритуал RAM — маленького ордена, входящего в католическую церковь и не знающего иных чудес или тайн, кроме попытки понять символический язык мира. Я думаю, что совершил просчет, что духовные поиски лишены смысла и логики и что лучше было бы мне сидеть в Бразилии да заниматься своими обычными делами. Я сомневаюсь в том, что буду искренен в духовных поисках, — ибо безмерно трудно отыскивать Бога, Который никогда не проявляет Свое присутствие, молиться в определенные часы, бродить странными путями, беспрекословно повиноваться приказам, кажушимся мне нелепыми.

Да-да, дело именно в этом — я сомневаюсь в своей искренности. Все эти дни Петрус твердил мне, что этот путь принадлежит всем, что это путь обычных людей, и слова его разочаровывали меня. Я-то полагал, что безмерные мои усилия обеспечат мне видное место среди немногих избранных, приближающихся к великим архетипам Мироздания. Я-то считал, что наконец подтвердится истинность всех историй о тайных правительствах тибетских мудрецов, о магической способности вызывать любовь там, где нет и простого влечения, о ритуалах, совершая которые ты увидишь, как открываются перед тобою врата рая.

А Петрус сказал мне — избранных нет. Избран, выделен и предпочтен всякий, кто вместо того, чтобы ломать голову над вопросом «Что я здесь делаю?», решит сделать хоть что-нибудь или пробудить в сердце своем воодушевление. К вратам рая ведет труд, совершаемый с жаром, а к Богу — преобразующая нас любовь. И с Духом Святым связывает воодушевление, а не сотни, тысячи раз перечитываемые классические тексты. И чудесам случаться позволяет желание верить, что жизнь есть чудо, а не пресловутые «тайные ритуалы» или «обряды посвящения». И лишь решение человека исполнить сужденное ему делает его человеком — а не умствования, разводимые им вокруг тайны бытия.

И вот я здесь. А позади — чуть больше половины пути, ведущего в Сантьяго-де-Компостелу.

В тот день в Леоне, в теперь уже таком далеком 1986 году, я еще не знаю, что месяцев через шесть или семь напишу книгу о том, что повидал и прочувствовал на этом пути, что в душе моей уже пускается на поиски сокровищ пастух Сантьяго, что женщина по имени Вероника наглотается таблеток, чтобы покончить с собой, что Пилар уже скоро сядет на берегу Рио-Пьедра и заплачет, и начнет вести дневник. Ничего этого я еще не знаю. Чувствую только, что взвинчен и напряжен, и неспособен вести беседу с Петрусом, потому что сию минуту понял: никогда уже больше не удастся мне вернуться к прежним моим делам и заботам, даже если это сулит приличную сумму в конце каждого месяца, настроение без перепадов и колебаний, работу, которая мне знакома и которую я умею делать очень неплохо. Я должен измениться и

двинуться в сторону своей мечты, какой бы нелепо-ребяческой и совершенно неисполнимой ни казалась она, — иными словами, *стать писателем*. В глубине души, втайне от себя самого, я всегда хотел именно писать, но не отваживался взвалить на себя это бремя.

Петрус допивает свой кофе и минералку, просит меня уплатить по счету и сразу продолжить путь, благо до следующего городка остается всего несколько километров. Мимо проходят, разговаривая, люди, посматривая краешком глаза на двух пилигримов средних лет и думая, наверное: «Есть же на свете чудaki, всегда готовые попытаться оживить давно уже мертвое прошлое»¹. День клонится к вечеру, жара — не меньше 27 градусов, а я в тысячный раз спрашиваю себя, что же я здесь делаю.

Я хотел перемен? Пожалуй, нет, однако этот путь изменил меня совершенно. Я хотел постижения тайн? Пожалуй, да, однако этот путь неустанно внушал мне, что тайн нет вообще, ибо, по слову Христа, нет ничего тайного, что не стало бы явным. Словом, все произошло в точности наоборот по сравнению с ожидаемым.

...Мы поднимаемся и молча продолжаем путь. Я погружен в свои думы, я томим неуверенностью, Петрус же, должно быть, размышляет о своей работе в Милане. А здесь он оказался потому, что исполняет некий обряд Традиции, но, вероятней всего, тоже ждет, когда завершится этот поход и можно будет вернуться к любимым занятиям.

Весь остаток дня мы проходим в молчании. В ту пору еще не существовало сотовых телефонов, факсов, электронной почты. И мы замкнуты в скорлупе нашего вынужденного общения. Сантьяго-де-Компостела еще впереди, я и вообразить себе не могу, что дорога приведет меня не только в этот город, но и во многие-многие другие города мира. Ни я, ни Петрус не подозреваем, что в этот предвечерний час, по леонской равнине, я направляюсь и в его родной Милан, куда доберусь через десять лет с книгой, которая будет называться «Алхимик». Я иду навстречу своей судьбе, о которой так сильно мечтал и которую так часто отвергал.

Иду для того, чтобы написать историю моего возрождения.

Пауло Коэльо Сен-Мартен, январь 2006 г.

Они сказали: Господи! Вот, здесь два меча.

Он сказал им: довольно.

Евангелие от Луки 22: 38

— А теперь, перед священным ликом RAM, ты должен прикоснуться к Слову Жизни и обрести силу, которая потребуется тебе, чтобы стать свидетелем Его.

Наставник поднял ввысь мой новый меч в ножнах. Хворост затрещал в пламени костра — доброе предзнаменование: стало быть, таинство должно быть продолжено. Наклонившись, я голыми руками принялся рыть землю перед собой.

Дело было в ночь на 2 января 1986 года, и мы находились на одной из вершин горной гряды, известной под названием Агульяс Неграс (Черные Иглы). Помимо меня и Наставника присутствовали: моя жена, мой ученик, проводник из местных жителей и представитель крупнейшей конгрегации, объединяющей эзотерические ордены всего мира и именуемой «Традиция». Все пятеро — включая проводника, которого заранее предупредили о том, что должно произойти, — собрались на церемонию посвящения меня в сан Мастера Ордена RAM.

И вот я выкопал неглубокую, но довольно длинную яму. И с сознанием важности этого момента прикоснулся к земле, произнеся ритуальную формулу. Приблизившись, жена вручила мне меч, которым я пользовался на протяжении десяти лет при совершении сотен магических действий. Я уложил меч в яму, засыпал землей, заровнял, вспоминая тем временем о пройденных мною испытаниях, о том, что познал, и о тех сверхъестественных явлениях, которые научился вызывать с помощью своего старого верного меча. Теперь он будет пожран землей — железо клинка и дерево рукояти накормят собой тот источник, откуда черпали они свою силу.

Наставник подошел ко мне, положил наземь новый меч — как раз поверх того места, где был погребен старый. Все присутствующие широко раскинули руки, и по воле Наставника возник вокруг нас странный, ничего не освещающий, но явственно видимый свет, и теперь, помимо желтоватых бликов костра, наши фигуры озарились как-то по-иному. Обнажив свой собственный меч, он прикоснулся к моему лбу, поочередно — к каждому плечу и сказал так:

— Могуществом и любовью RAM назначаю тебя отныне и до конца дней твоих Мастером и Рыцарем ордена. R — *regnum*, A — *agnus*, M — *mundi*². Взяв этот меч, не давай ему залеживаться в ножнах, ибо оружие ржавеет в бездействии. Но, обнажив его, не вкладывая назад, не совершив доброго деяния, не проторив пути, не дав ему напиться крови врага.

И кончиком меча он легонько кольнул меня в лоб. С этой минуты я не должен был больше хранить молчание. Не обязан скрывать то, на что способен. Мог не таить от окружающих свое ново-обретенное умение совершать чудеса. С этой минуты я стал магом.

И я протянул руку к новому мечу — сталь его клинка не выщербится вовек, черное и красное дерево его рукояти никогда не поглотит земля, — к новому мечу в черных ножнах. Но в тот самый миг, когда мои пальцы прикоснулись к ним, Наставник вдруг сделал шаг вперед и с размаху наступил ногой на мою руку так, что я, вскрикнув от боли, выпустил меч.

Я смотрел на него непонимающе. Странный свет исчез, и в отблесках костра лицо Наставника приобрело фантазмагорические очертания.

Окинув меня ледяным взглядом, он подозвал мою жену и ей вручил новый меч. Потом обернулся ко мне:

— Убери свою руку — она обманула тебя! Путь Традиции — это путь не для горстки избранных, но для всех! Ты мнишь, что обладаешь могуществом, но оно не стоит ни гроша, ибо не разделено с другими людьми. Ты обязан был отказаться от меча, и в этом случае он стал бы твоим по праву, ибо ты остался бы чист душой. Но, как я и опасался, в решающий миг ты оступился и упал. И в наказание за свою алчность ты должен будешь вновь пуститься на поиски своего меча. А в наказание за гордыню — искать его будешь среди обычных людей. А в

наказание за страсть к чудотворству тебе придется одолеть множество препятствий, совладать со множеством трудностей, прежде чем вновь обретишь то, что едва не досталось тебе просто так.

Мне почудилось — земля уходит у меня из-под ног. Я по-прежнему стоял на коленях, потеряв дар речи и не желая ни о чем думать. Мой старый меч покоился в земле, и воспользоваться им теперь было уже нельзя. А не вооружась новым, я вернулся к самому истоку, превратись в этот миг в самого обыкновенного человека — беззащитного и бессильного. В день моего торжества, в час посвящения Наставник, наступив мне на руку, отшвырнул меня назад — в мир Ненависти, в мир земли.

Проводник загасил костер. Жена помогла мне подняться. В руке у нее был мой новый меч, но, по законам ордена, я не имел права дотронуться до него без разрешения Наставника. Молча следуя за фонарем проводника, мы прошли по лесу, спустились на узкую грунтовую дорогу, где были оставлены машины.

Никто не простился со мной. Жена положила меч в багажник, включила зажигание. Покуда она медленно объезжала колдобины и выбоины, мы молчали.

— Успокойся, — сказала она, стараясь приободрить меня. — Уверена, что ты получишь его. Я спросил, что сказал ей Наставник.

— Три вещи. Во-первых, что надо было потеплее одеться — наверху оказалось холодней, чем он ожидал. Во-вторых, что все произошедшее его нисколько не удивляет: подобное уже случалось со многими людьми, оказавшимися там же, где и ты. И в-третьих, что твой меч будет ждать тебя в определенный час, в определенный день, в определенной точке того пути, который тебе придется одолеть. Я не знаю, что это будет за день и час. Он назвал мне лишь место, где я должна буду спрятать меч для того, чтобы ты нашел его.

— А что это за путь? — нервно спросил я.

— Он толком не объяснил. Сказал только, чтобы ты нашел на карте Испании старинную средневековую дорогу, которая называется Путь Сантьяго.

В аэропорту Бахадас таможенник довольно долго рассматривал меч, а потом спросил, что мы намерены с ним делать. «Ничего особенного, — отвечал я. — Друзья обещали оценить его, а мы выставим на аукцион». Ложь помогла: таможенник посоветовал внести меч в декларацию и предъявить ее, если на обратном пути возникнут сложности.

Подойдя к стойке компании, дающей автомобили напрокат, мы подтвердили наш заказ на две машины. Прежде чем разъехаться в разные стороны, решили перекусить в ресторане.

Ночью мы не сомкнули глаз — сказывался страх перелета, томило предчувствие того, что ожидало нас, когда приземлимся, — но теперь оба мы были взбудоражены: сна — ни в одном глазу.

— Успокойся, — в тысячный раз повторила жена. — Ты едешь во Францию: там в Сен-Жан-Пье-де-Пор разыщешь мадам Дебриль. А уж она найдет тех, кто проведет тебя по Пути Сантьяго.

— А ты? — в тысячный раз спросил я, заранее зная ответ.

— А я поеду туда, куда должна поехать, и сделаю то, что было мне поручено. Потом проведу несколько дней в Мадриде и вернусь в Бразилию. С тамошними делами справлюсь без тебя и не хуже тебя.

— Не сомневаюсь, — ответил я, не желая развивать эту тему.

Однако мне не давали покоя дела в Бразилии. Уже через две недели после происшествия в Агульяс Неграс я досконально знал все, что касалось Пути Сантьяго, но потребовалось целых семь месяцев, прежде чем я решился все бросить и отправиться в дорогу. Я тянул и откладывал

до тех пор, пока однажды утром жена не сказала мне: сроки истекают; не приму решение — вполне могу позабыть о Традиции и ордене RAM. Я попытался было объяснить ей, что Наставник дал мне невыполнимое поручение и что я не могу так просто, за здорово живешь, отринуть весь мой прежний житейский уклад. Жена улыбнулась в ответ и сказала, что это — вздор и пустые отговорки, все эти семь месяцев я только и делал, что спрашивал себя, ехать мне или нет. А потом так, словно в этом не было ничего особенного, достала два авиабилета с уже назначенной датой вылета.

— Мы здесь потому, что это ты так решила, — мрачно говорил я теперь, сидя за столиком ресторана. — И я не уверен, что поступил верно, позволив другому человеку принять за меня решение отправиться на поиски меча.

Жена сказала, что, чем нести чушь, лучше уж сразу нам распрощаться — сесть по машинам и разъехаться.

— Никогда в жизни ты никому не позволил бы решать за себя, тем более — в таком важном деле. Идем. Уже поздно. — Она поднялась, перекинула через плечо ремень сумки и направилась на стоянку.

Я не удерживал ее — сидел за столом, глядя, как небрежно несет она под мышкой мой меч: вот-вот выскользнет. Жена вдруг остановилась, вернулась к столику, звонко чмокнула меня. И от этого поцелуя меня вдруг осенило: я — в Испании, и назад пути нет. Да, конечно, конечно, все может кончиться ужасающим провалом, но первый шаг сделан. И я обнял жену, вложив в это объятие всю свою любовь, и помолился за все, во что верил, и за всех, кому верил, и попросил небеса даровать мне силы вернуться с нею и с мечом.

— Красивый какой меч, правда? — донесся до меня женский голос из-за соседнего столика.

— Да ладно тебе, — отозвался мужской голос. — Куплю тебе точно такой же. В здешних сувенирных лавках их полно.

Час за рулем — и дали себя знать усталость и бессонная ночь. И, кроме того, августовский зной так раскалил воздух, что машина, хоть и летела по свободному шоссе, начала перегреваться. Я решил остановиться ненадолго в маленьком городке: дорожные указатели сообщали, что это — национальный памятник. И, поднимаясь по склону пологого холма, еще раз перебрал в памяти все, что было мне известно о Пути Сантьяго.

Подобно тому как мусульманская традиция требует, чтобы всякий правоверный хотя бы раз в жизни прошел вослед пророку Магомету в Мекку и Медину, первое тысячелетие христианства знало три пути, почитаемых священными и сулящих Божье благословение и искупление грехов каждому, кто пройдет по ним. Первый путь — к гробнице святого Петра в Риме: идущие по нему избрали себе в качестве символа крест и назывались *ромейро*. Второй — ко Гробу Господню в Иерусалиме; идущие этой дорогой именовались *палмейро* в память пальмовых ветвей, которыми жители города приветствовали появление Иисуса. И наконец, третий путь вел к бранным останкам святого Иакова — по-нашему Сантьяго, — захороненным на Иберийском полуострове в том месте, где однажды ночью некий пастух увидел, как сияет над полем яркая звезда. Предание гласит, что не только Сантьяго, но и сама Пречистая Дева сразу после смерти Спасителя пребывала в тамошних краях, неся жителям слово Божье и обращая их. Местечко это получило название Компостела — в имени этом соединились слова «кампо», то есть поле, и «эстрела», что значит звезда, — и вскоре превратилось в городок, куда со всех концов христианского мира будут стекаться богомольцы — их называли *пилигримы*, а символом своим сделали они раковину.

В эпоху наивысшего расцвета, пришедшуюся на XIV век, по Млечному Пути (по ночам служившему паломникам ориентиром) ежегодно шли больше миллиона человек из всех уголков Европы. И в наши дни мистики, верующие, ученые пешком преодолевают семьсот километров,

которые отделяют французский городок Сен-Жан-Пье-де-Пор от собора св. Иакова Компостельского в Испании³. Благодаря французскому священнику Эмерику Пико, в 1123 году совершившему паломничество в Компостелу, этот путь и ныне в точности тот же самый, по которому в Средние века прошли в числе прочих Карл Великий, святой Франциск Ассизский, королева Изабелла Кастильская, а в наше время — папа Иоанн XXIII.

Дело в том, что Пико написал о своем путешествии пять книг, представленных как произведения папы Каликста II, ярого приверженца св. Иакова, а потому и получивших позднее название «*CodexCalixtinus*». В Книге Пятой Пико перечисляет природные приметы, источники, больницы, постоянные дворы и города, которые встречаются на протяжении пути. Руководствуясь заметками Пико, общество «*LesAmisdeSaint-Jacques*», то есть «Друзей святого Иакова», следит за тем, чтобы все вехи этого пути, помогающие паломникам ориентироваться на местности, не пришли в упадок и сохранились в своем первоизданном виде.

В XII веке образ Сантьяго пригодился испанцам, когда началась Реконкиста — война с маврами, захватившими полуостров. Вдоль Пути Сантьяго появилось несколько военно-религиозных рыцарских орденов, и прах апостола превратился в могущественный, хотя и невещественный талисман, помогавший дать отпор мусульманам, а те, в свою очередь, уверяли, будто у них есть бесценная реликвия — рука самого пророка Магомета. Когда же Реконкиста победоносно завершилась, рыцарские ордены приобрели такую силу, что стали представлять угрозу для самого государства, и, чтобы не допустить розни между ними и аристократией, пришлось вмешаться «католическим государям». По этой причине стал мало-помалу забываться

Путь Сантьяго, и если бы не редкие всплески художественного гения — такие как картина Бунюэля «Млечный Путь» или «Странник» Хуана Манюэля Серрата, — мало кто сейчас помнил бы, что этим путем проходили тысячи людей, которые впоследствии заселили Новый Свет.

Городок, в который я приехал, будто вымер. После долгих поисков я набрел на маленький бар, помещавшийся в старинном здании эпохи средневековья. Хозяин, не отрывая глаз от телевизора — шел какой-то сериал, — сообщил мне, что сейчас сиеста и только полоумный решится высунуть нос на улицу в такую жару.

Я заказал прохладительного, уставился на экран, но мысли мои были далеко. Я думал о том, что через двое суток мне на исходе XX столетия суждено будет получить частицу великого человеческого опыта — того самого, что вел Улисса от Трои, Дон Кихота — по Ламанче, Орфея и Данте заставил спуститься в преисподнюю, а Христофора Колумба — пуститься на поиски Америк. Я же намеревался отправиться к Неведомому.

Немного придя в себя, я вернулся к машине. Если даже не найду мой меч, паломничество по Пути Сантьяго непременно окончится тем, что я обрету самого себя.

По главной улице городка двигалось карнавальное шествие и музыканты в красно-зелено-белых костюмах — цветах французской Басконии. Было воскресенье. Двое суток я провел за рулем, и теперь мне не терпелось принять участие в праздновании. Однако меня ожидала встреча с мадам Дебриль. Я осторожно лавировал в толпе, осыпавшей меня бранью, и вот наконец проехал в старую часть города, где жила мадам Дебриль. Даже здесь, в Пиренеях, на большой высоте, было очень жарко, и из машины я вылез, обливаясь потом.

Постучал в дверь. Еще раз. И еще. Ответа не было. Я был удручен и растерян. Жена, помнится, говорила, что я должен оказаться здесь именно сегодня, — и вот вам: никто не отзывается. Может быть, она принимает участие в шествии, а может быть, я все же приехал слишком поздно и она решила не принимать меня. Путь Сантьяго завершился, не успев начаться.

Внезапно дверь распахнулась, и на улицу выскочила маленькая девочка. Вздвигнув от неожиданности, я на ломаном французском спросил, можно ли видеть мадам Дебриль. Девочка засмеялась и указала внутрь дома. Теперь только я понял свою ошибку: дверь, ведущая в огромный внутренний двор, окруженный средневековыми домами с балконами, была открыта, а я не решился толкнуть ее.

Я направился к тому дому, на который указывала девочка. Вошел — и увидел пожилую тучную женщину, по-баскски бранившую щуплого паренька с темно-карими печальными глазами. Я подождал, пока не кончится выяснение отношений, — и дождался: бедняга под градом ругани был отослан на кухню. Только тогда хозяйка обернулась ко мне и, не спрашивая даже, что мне угодно, мягко подталкивая, повела на второй этаж, весь состоявший из одной небольшой комнаты. Это был кабинет, заставленный книгами, изображениями Сантьяго и всякого рода памятными вещами, связанными с Путем. Хозяйка сняла с полки книгу и, не предложив мне присесть, расположилась за письменным столом.

— Вы, должно быть, очередной пилигрим, — без околичностей начала она. — Я должна внести вас в список.

После того как я представился, она спросила, привез ли я *виейры* — большие раковины, служившие символом паломничества к могиле святого и помогавшие богомольцам узнавать друг друга⁴. Перед тем как отправиться в Испанию, я еще дома, в Бразилии, побывал в святилище Пречистой Девы, известном как Апаресида до Норте, и купил там так называемую *визитацию* — образ Богоматери, посещающей св. Елизавету. Образ был вделан в три раковины.

— Красиво да непрочно, — заявила хозяйка, возвращая мне их. — По дороге могут разбиться.

— Не разобьются. Я возложу их на гробницу апостола.

Мадам Дебриль, судя по всему, не собиралась уделять мне много времени. Вручила мне карточку, с помощью которой я мог обрести приют в монастырях, расположенных вдоль Пути, оттиснула на ней печать Сен-Жан-Пье-де-Пор, чтобы удостоверить место, с которого началось паломничество, и сказала, что теперь, благословясь, можно и в путь.

— А где же проводник? — спросил я.

— Какой еще проводник? — удивилась она, однако глаза ее заблестели как-то по-иному.

И мне стало ясно, что я позабыл кое-что очень важное. Второпях я не произнес Древнего Слова — нечто вроде пароля, благодаря которому опознаются те, кто принадлежит или раньше принадлежал к орденам Традиции. Я поспешил исправить это упущение и вымолвил Слово. Мадам Дебриль быстрым движением вырвала у меня из рук карточку:

— Она вам не понадобится, — сказала она, вынимая из-под груды старых газет картонную

коробку. — Идти и отдыхать будете в зависимости от того, как решит ваш проводник.

Из коробки она извлекла шляпу и плащ с капюшоном — старые, но прекрасно сохранившиеся. Попросила меня стать посередине комнаты и начала молча молиться. Потом надела шляпу мне на голову, набросила плащ на плечи. Я заметил, что и в тулью шляпы, и в подол плаща вшиты раковины. Не прекращая молитвы, хозяйка взяла стоявший в углу кабинета посох и вложила его мне в правую руку. К посоху была прикреплена небольшая фляга для воды. Ну и видок, должно быть, был у меня: под низом — джинсы-бермуды и майка с надписью «I LOVE NY», а сверху — одеяние средневекового пилигрима.

Мадам Дебриль подошла ко мне вплотную и, словно в трансе, возложив обе руки мне на голову, произнесла:

— Да пребудет с тобой святой апостол Иаков; да явит он тебе то единственное, что ты должен открыть; да не затянется твой поход, да не оборвется до срока, но продлится ровно столько, сколько потребуют Законы и Необходимости Пути... Беспрекословно повинуйся своему проводнику, даже если приказ его покажется тебе смертельно опасным, святотатственным или нелепым. Клянись слушаться его во всем. Я поклялся.

— Да пребудет с тобою дух паломников иных времен. Шляпа убережет тебя от солнца и дурных мыслей; посох защитит от врагов и дурных поступков. Да осеняет тебя днем и ночью благословение Господа, Сантьяго и Пречистой Девы. Аминь.

После чего стала такой, как прежде, — торопливо и не без раздражения сняла с меня плащ и шляпу, запихала их в коробку, отставила в угол посох и флягу, а потом, убедившись, что я запомнил пароль, велела уходить, ибо мой проводник ждет меня километрах в двух от Сен-Жан-Пье-де-Пор.

— Он ненавидит оркестры, — пояснила она. — Но и на расстоянии в два километра ему от музыки не спрятаться, Пиренеи — превосходный резонатор.

И она заторопилась вниз по лестнице на кухню, чтоб еще немножко потиранить мальчика с грустными глазами. Уже уходя, я осведомился, как мне быть с машиной. Мадам Дебриль посоветовала оставить ключи — кто-нибудь отгонит. Я открыл багажник, достал рюкзак со свернутым спальным мешком, поглубже уложил образ Богородицы на раковинах, взвалил рюкзак на плечи и протянул хозяйке ключи.

— Идите по улице вдоль крепостной стены до самых городских ворот, вот и выйдете из города, — сказала она. — А придете в Сантьяго-де-Компосте-Л у — прочтите за меня «Аве Марию». Бессчетное множество раз одолевала я этот путь, а ныне довольствуюсь тем, что читаю в глазах новых пилигримов восторг, который сама испытать уже не могу — годы не те. Расскажите это апостолу. И еще скажите, что скоро я приду к нему, правда, другой дорогой — она и короче, и легче будет...

Я покинул городок через Испанские ворота, некогда излюбленные римскими легионами, а впоследствии — дружинами Карла Великого и полками Наполеона. Я шел молча, слыша звучащую в отдалении музыку, — и вдруг на развалинах древнего поселения возле Сен-Жан-Пье-де-Пор так разволновался, что слезы выступили на глаза. Там, возле этих руин, меня будто ударило — ведь ноги мои ступают по Пути Сантьяго.

Панорама Пиренеев, озаренных утренним светом, сияние которого будто еще усиливалось от звуков музыки, вселило в меня ощущение, что я возвращаюсь к чему-то изначальному и прочно забытому родом человеческим. Но понять, что же это, мне было не под силу. Небывалое и непривычно сильное ощущение это заставило меня прибавить шагу, чтобы как можно скорее прибыть туда, где, по словам мадам Дебриль, ждал меня проводник. На ходу я снял майку, сунул ее в рюкзак. Лямки его стали сильнее врезаться в голые плечи, но зато идти в разношенных кроссовках было легко и удобно. Минут через сорок, обогнув исполинских размеров валун, я

подошел к заброшенному колодцу. Возле него на земле сидел человек лет пятидесяти — черноволосый, похожий на цыгана — и рылся в заплечном мешке.

— Привет, — сказал я по-испански с той застенчивостью, какую испытываю всякий раз, когда знакомлюсь с новым человеком. — Ты, наверно, меня ждешь. Я — Пауло.

Он бросил свое занятие и окинул меня снизу доверху холодным и вовсе не удивленным взглядом. Мне тоже показалось, что я откуда-то знаю этого человека.

— Да, я тебя поджидаю, хоть и не думал, что ты появишься так рано. Чего надо?

Несколько сбитый с толку этим вопросом, я отвечал, что именно меня он вроде бы должен был сопровождать по Млечному Пути в поисках меча.

— В этом нет нужды, — сказал он. — Если хочешь, я найду его для тебя. Хочешь? Только решай сейчас.

Странный у нас вышел разговор, но я, памятуя о принесенной мною клятве, собирался ответить в том смысле, что, взяв поиски меча на себя, он сэкономит мне много времени и я вернусь в Бразилию к людям и делам, позабыть о которых не мог. Не исключено, что это могло быть уловкой, но почему бы мне все же не ответить?! В тот миг, когда я уже открыл рот, чтобы ответить «Хочу», за спиной у меня раздался голос, произнесший с сильным акцентом такие слова: «Чтобы узнать, высока ли гора, взбираться на нее не обязательно».

Это был пароль! Я обернулся и увидел человека лет сорока в бермудах цвета хаки и белой пропотелой майке. Пристальный взгляд был устремлен на цыгана. Полуседые волосы, темное от загара лицо. Выходит, что второпях я позабыл о самых элементарных правилах безопасности и едва не вверил и тело, и душу в руки первого встречного незнакомца.

— Кораблю в гавани не грозит опасность, но не затем он создан, чтоб стоять на якоре, — произнес я отзыв.

А человек меж тем не сводил глаз с цыгана, а тот — с него. В течение нескольких минут

смотрели они друг на друга, не выказывая ни страха, ни вызова. Потом цыган поставил мешок наземь, улыбнулся презрительно и двинулся по направлению к Сен-Жан-Пье-де-Пор.

— Меня зовут Петрус⁵, — проговорил человек, когда цыган скрылся за валуном, который я обогнул не так давно. — В следующий раз будь поосторожней.

Не в пример цыгану и самой мадам Дебриль, он был вроде бы расположен ко мне. Он поднял с земли мешок — на передней его части была изображена раковина, — извлек оттуда бутылку вина, сделал глоток и протянул ее мне. Отпив, я осведомился, что это за цыган.

— Мы же недалеко от границы, а потому эту дорогу давно уже облюбовали себе контрабандисты и террористы из испанской части Басконии, — объяснил Петрус. — Полиции здесь почти никогда не бывает.

— Это не ответ. Вы с ним смотрели друг на друга как старые знакомые. И у меня такое чувство, будто я его знаю. Может быть, поэтому я и обратился к нему.

Петрус, хмыкнув, сказал, что пора отправляться в путь. Я взял вещи, и мы двинулись. Но этот краткий смешок показал мне, что проводник мой думает о том же, о чем и я.

Нам повстречался дьявол.

Некоторое время мы шагали молча, и я убедился в правоте мадам Дебриль: и за три километра слышался оркестр, игравший без передышки. Мне очень хотелось расспросить Петруса о том, кто он и откуда, чем занимается и как сюда попал, но я знал — нам вместе идти семьсот километров, и рано или поздно настанет момент ответить на все эти вопросы. Однако цыган не выходил у меня из головы, так что я все же не выдержал и нарушил молчание:

— Петрус, мне кажется, что цыган — это дьявол.

— Да, это дьявол. — И, услышав эти слова, я испытал смешанное чувство ужаса и облегчения. — Но не тот дьявол, которого ты знал по Традиции.

А по Традиции дьявол — это дух, не добрый и не злой: считается, что он хранит все тайны, доступные человеческому постижению, обладает силой и наделен властью над материальным миром. Падший ангел, он причисляет себя к роду людскому и всегда склонен заключить с человеком сделку на взаимовыгодных, так сказать, условиях — оказать и получить услугу. Я осведомился, чем же отличается от него цыган.

— По пути нам еще не раз встретятся такие, как он, — засмеялся Петрус. — Ты сам поймешь разницу. А пока, чтобы уловить суть, постарайся припомнить весь твой разговор с ним.

Я стал перебирать в памяти две несчастные фразы, которыми обменялся с цыганом. Он сказал, кажется, что ждет меня и что добудет мне меч.

На это Петрус ответил, что эти фразы как нельзя лучше подходят вору, застигнутому на месте преступления, — а ведь цыган рылся в чужом рюкзаке, — они позволяют выиграть время и продумать путь к отступлению. Вместе с тем у них может быть иной, куда более глубокий смысл: слова эти означают именно то, что хотел сказать ими цыган.

— Чему же верить?

— Тому и другому. Воришка, застигнутый с поличным, произнес как раз те слова, с какими и должен был обратиться к тебе. Он, наверно, похвалил себя за сообразительность, а на самом деле был всего лишь орудием высшей силы. Пустись он наутек при моем появлении, этот разговор был бы сейчас не нужен. Но он взглянул на меня, и в его глазах я прочитал имя дьявола, которого ты повстречаешь по дороге.

По мнению Петруса, эта встреча была добрым предзнаменованием, ибо дьявол обнаружил свое присутствие с самого начала.

— Так или иначе, выбрось его из головы, потому что, как я уже сказал, он — не единственный на твоём пути. Быть может, самый главный, но не единственный.

Скудную растительность, подобную той, что изредка встречаешь в пустыне, сменили

разбросанные там и тут купы деревьев. Должно быть, Петрус прав: пусть все идет само собой. Время от времени он нарушал молчание, рассказывая об исторических событиях, происходивших в тех местах, которые встречались нам на пути. Я увидел дом, где королева провела последнюю перед смертью ночь, и возведенную на скалах маленькую часовню — уединенный скит святого, которого немногочисленные обитатели здешних мест почитали чудотворцем.

— Чудеса очень важны, как по-твоему? — спросил мой проводник.

Я ответил утвердительно, но прибавил, что никогда в жизни не видел настоящего чуда. Мое обучение Традиции происходило скорее в интеллектуальном плане. Но я верю, что вот когда отыщется мой меч, я смогу делать то же, что и мой Наставник.

— ...Хотя это — не чудеса, поскольку не изменяют законы природы и не противоречат им. Мой Наставник всего лишь использует эти таинственные силы для... — и я осекся, ибо не мог объяснить, каким образом удастся ему материализовать духов, передвигать, не прикасаясь к ним, предметы с места на место и, как не раз я наблюдал, — в пасмурные дни делать так, что на задернутом тучами небе появляются прогалины лазури.

— Может быть, он делает это лишь для того, чтобы убедить тебя — он обладает Знанием и Властью? — предположил Петрус.

— Может быть, — ответил я не слишком уверенно.

Мы присели на камень, поскольку Петрус сообщил, что терпеть не может курить на ходу. По его словам, так в легкие поступает слишком много никотина, а дым вызывает тошноту.

— Вот потому-то твой Наставник и не вручил тебе меч. Потому что ты не знаешь, как он совершает эти удивительные вещи. Потому что ты забыл — дорога познания открыта для всех, для самых обыкновенных людей. Во время нашего путешествия я научу тебя кое-каким упражнениям и ритуалам, принятым в ордене RAM. Любой человек в тот или иной момент своего бытия получает доступ к одному из них, по крайней мере. И все они — все без исключения — могут быть найдены тем, кто ищет их, ищет терпеливо и настойчиво. Их извлекают из тех уроков, которые дает нам жизнь.

Ритуалы RAM так просты, что люди, подобные тебе, то есть склонные все усложнять, часто не придают им никакого значения. Однако именно благодаря им человек получает возможность и способность достичь всего — всего, понимаешь? — чего желает.

Иисус возносил хвалу Отцу, когда Его ученики начали творить чудеса и исцелять недуги, и благодарил Его за то, что Бог, скрыв эти тайны от книжников и мудрецов, открыл их обыкновенным, простым людям. В конце концов, если человек верит в Бога, он обязан верить и в то, что Бог — справедлив.

Петрус был совершенно прав. Было бы высшей несправедливостью, если бы доступ к истинному Познанию получали только образованные люди, у которых есть время и деньги покупать дорогие книги.

— Истинный путь к мудрости узнается всего лишь по трем признакам, — продолжал Петрус. — Во-первых, он должен начаться с *Agane*⁶, но об этом я расскажу тебе позднее. Во-вторых, он должен найти себе практическое применение в твоей жизни, иначе мудрость станет бесполезной и сгниет, как меч, который ни разу не пустили в дело. И в-третьих, это — такой путь, по которому вослед тебе смогут пройти и другие.

Мы шли весь остаток дня, и только когда солнце стало скрываться за вершинами гор, Петрус решил сделать привал. Вокруг нас еще блистали в последних солнечных лучах самые высокие пики Пиренеев.

Петрус попросил меня расчистить клочок земли и преклонить на нем колени.

— Первое таинство RAM — это умение возродиться. Ты должен будешь практиковаться в

этом семь дней кряду, всякий раз стараясь по-новому, иначе прочувствовать твой первый контакт с миром. Ты ведь помнишь, как трудно тебе было принять решение — все бросив, приехать сюда, чтобы вступить на Путь Сантьяго и найти свой меч. Но эта трудность проистекала оттого лишь, что ты был пленником собственного прошлого. Тебе уже случалось терпеть поражения, и ты боялся новых неудач; ты уже чего-то добился и боялся потерять завоеванное. И тем не менее желание найти меч пересилило, перевесило все прочее. И ты решился пойти на риск.

Я согласился с ним, но добавил, что те же самые опасения, о которых он упомянул, не дают мне покоя и сейчас.

— Это не имеет значения. Упражнение мало-помалу освободит тебя от бремени, которое ты сам на себя взвалил.

И Петрус показал мне Первое таинство RAM — УПРАЖНЕНИЕ «ЗЕРНЫШКО».

— Начни с него.

Я пригнул голову так, что она оказалась между коленей, глубоко вздохнул и начал релаксацию. Тело повиновалось мне беспрекословно — быть может, потому, что мы шли целый день и я был утомлен. Я слышал голос земли — голос глуховатый и хриплый — и постепенно стал превращаться в зернышко. Я ни о чем не думал. Вокруг меня было темно, и я засыпал в средоточии земли. Но вот что-то шевельнулось. Это какая-то часть — малая частица моего естества — попыталась разбудить меня, твердя, что я должен выйти отсюда, ибо «там, вверху» есть что-то иное. Меня клонило в сон, но частица упорствовала — и вот она добилась того, что шевельнулись пальцы, пальцы привели в движение руки, но только это были не пальцы и не руки, а крошечный росток, который отчаянно боролся с силой земли, чтобы пробиться «туда, наверх». Я почувствовал, как тело принялось повторять движение рук. Каждый миг казался вечностью, но зернышко нуждалось в том, чтобы родиться и узнать, что же оно такое. С невероятными усилиями сначала голова, а потом и все тело стали приподниматься. Но — медленно, страшно медленно, и мне приходилось преодолевать силу, тянущую меня вниз, вглубь, в те бездны земли, где еще совсем недавно я спокойно спал вечным сном. Я побеждал, я одерживал верх, и вот что-то прорвалось, лопнуло, и я выпрямился, и сила, пригибавшая меня к земле, исчезла. Я пробил землю и приблизился к тому, что было «там, вверху».

А «там, вверху» оказалось поле. Я ощутил тепло солнечных лучей, услышал комариный писк, плеск речной волны невдалеке. Медленно поднялся, не открывая глаз. Мне казалось, что вот-вот потеряю равновесие и вернусь в землю, но я продолжал расти. Руки раскинулись, туловище распрямилось. И так вот стоял я, возрожденный, мечтая, чтобы снаружи и изнутри омывали меня блистающие потоки солнечного света, который просил меня расти и расти, крепнуть и распрямляться, дотянувшись своими ветвями до самого неба. Я тянулся все сильнее, заныли мышцы всего тела, и я чувствовал, что стал тысячеметрового роста и могу обнять горы. И тело мое все тянулось ввысь и вширь, пока мышечная боль не сделалась такой нестерпимо острой, что я не выдержал и вскрикнул.

Я открыл глаза. Петрус стоял передо мной, улыбался и курил. Дневной свет еще не померк, но я с удивлением убедился, что воображенного мною солнца на небе уже не было. Я спросил проводника, нужно ли описать ему мои ощущения, а он покачал головой:

— Это все — очень личное, и ты должен держать свои ощущения при себе. Как мне судить о том, что ты испытывал? Твои ведь ощущения — не мои.

Потом он сказал, что мы заночуем здесь. Развели маленький костер, допили остававшееся в бутылке вино, а я приготовил сэндвичи с *foie-gras*², купленным накануне приезда в Сен-Жан-Пье-де-Пор. Петрус выловил в ручье нескольких рыбин и поджарил их на костре. Поужинав, мы улеглись в свои спальные мешки.

В жизни мне много чего пришлось попробовать, но эту первую ночь на Пути Сантьяго я не забуду никогда. Летняя ночь оказалась холодной, но во рту я еще чувствовал вкус вина, которым угостил меня Петрус. Я смотрел на небо, и Млечный Путь простирался надо мною, показывая всю безмерность расстояния, которое нам предстояло пройти. Может быть, в других обстоятельствах это чудовищное пространство вселило бы в меня тоску, страх неудачи, сознание собственной ничтожности. Но теперь я был зернышком, родившимся заново. Я открыл для себя, что, как ни хорошо, как ни покойно спать в земле, жизнь «там, наверху» куда прекрасней. И я смогу возрождаться столько раз, сколько захочу, — до тех пор, покуда руки мои не смогут объять всю землю, из которой я появился.

Упражнение «Зернышко»

Отешись на колени на землю. Потом присядь на корточки и наклонись так, чтобы голова касалась коленей. Обхвати их руками. Ты — в позе зародыша. Теперь расслабься и постарайся сбросить напряжение. Дыши глубоко и ровно. Вскоре ты почувствуешь себя крошечным зернышком в уюте и покое почвы. Все вокруг тебя излучает тепло и дарит приятные ощущения. Ты погружен в крепкий сон. По вот шевельнулся твой палец. Зернышко не хочет больше оставаться самим собой — оно хочет родиться. Ты начинаешь медленно шевелить руками, и тело твое постепенно распрямляется, расправляется, хотя ты по-прежнему сидишь на корточках. Ты медленно-медленно поднимаешься. Все это время ты представляешь себя зернышком, которое становится ростком, постепенно пробивающимся сквозь толщу почвы наружу.

Теперь пришла пора вырваться из земли. Ты медленно поднимаешься, перенося тяжесть тела сперва на одну ногу, потом на другую. Ты находишь равновесие, как росток, отвоевывающий свое жизненное пространство. И вот ты поднялся во весь рост. Представь, что тебя окружают поле, солнце, вода, ветер, птицы. Ты — принявшийся росток. Медленно подними руки к небу. Потом тянись, тянись, тянись изо всех сил, словно хочешь ухватить огромное солнце, которое сияет над тобой, притягивая тебя и придавая тебе сил. Твое тело напрягается все больше, твои мышцы деревенеют, а ты растешь, растешь, растешь — и становишься огромным. Напряжение возрастает, и вот оно уже делается нестерпимо болезненным. Когда почувствуешь, что больше не в силах выносить его, — крикни и открой глаза.

Повторяй это упражнение семь дней подряд в одно и то же время.

Шесть дней мы шли по Пиренеям, одолевая спуски и подъемы, и всякий раз, как солнце золотило самые высокие вершины, Петрус просил меня повторить упражнение. На третий день желтая бетонная заплата на дороге возвестила, что мы пересекли границу и отныне шагаем по испанской земле. Мой проводник постепенно разговорился и рассказал мне кое-что о себе — он оказался итальянцем и специалистом по промышленному дизайну⁸. Я спросил его: «Должно быть, ты озабочен тем, какое множество дел пришлось бросить, чтобы сопровождать пилигрима в поисках его меча?»

— Хочу тебе кое-что объяснить, — отвечал он. — Я вовсе не сопровождаю тебя туда, где находится твой меч. Ты, и только ты можешь найти его. Я здесь исключительно для того, чтобы провести тебя по Пути Сантьяго и преподать тебе кое-какие премудрости RAM. Как ты применишь мою науку для обретения своего меча — это твое дело.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Когда человек странствует, он, сам того не замечая, переживает второе рождение. Он то и дело попадает в новые для себя ситуации, дни его долги, вокруг чаще всего звучит неведомый ему язык. Он подобен младенцу, только что покинувшему материнскую утробу. И он уделяет гораздо больше внимания тому, что его окружает, ибо от этого зависит, выживет он или нет. Он становится доступней для людей, ибо они могут прийти к нему на помощь в трудную минуту. И мимолетную милость богов он воспринимает с ликованием и будет помнить ее до конца дней своих.

И в то же время, поскольку все для него в новинку, он замечает только красоту и счастлив уже потому, что живет. По этой причине религиозное паломничество всегда было одним из самых прямых и кратких путей к Постижению. Слово «грех» по-латыни «*pedis*», что значило первоначально — «больная нога», то есть нога, неспособная преодолеть путь. Чтобы избавиться от греха, надо все время идти вперед, постоянно осваиваясь в новых для себя ситуациях и получая тысячи благословений, на которые жизнь так щедра — только попроси.

Неужели ты всерьез считаешь, что меня могут волновать те пять-шесть проектов, которые мне пришлось отложить, чтобы свершить вместе с тобой этот путь?

Петрус огляделся по сторонам, и я проследил его взгляд. На вершине горы паслись козы. Одна из них, самая храбрая, забралась на крутой отрог высокой скалы — невозможно было понять, как она туда попала и как слезет. Но в тот миг, когда я задавал себе этот вопрос, коза прыгнула и по невидимым мне выступам спустилась, присоединившись к остальным. Мир вокруг нас был проникнут смутным беспокойством и отнюдь не дышал умиротворением — ему еще долго предстояло расти и сотвориться, а для этого надо идти и идти, не останавливаясь. Ощущение того, что природа жестока, возникает порой во время крупного землетрясения или смертоносного шторма, но теперь я понял — это всего лишь превратности пути. Сама природа тоже странствует в поисках Постижения.

— Я счастлив оказаться здесь, — промолвил Петрус. — Потому что работа, которую я бросил, теперь не имеет значения, а работы, которые я завершу после этого путешествия, будут намного лучше.

Помнится, когда я читал Карлоса Кастанеду, мне ужасно хотелось повстречать старого шамана дона Хуана. И теперь, при виде того, как Петрус смотрит на горы, мне показалось, что рядом со мной стоит некто, очень похожий на этого персонажа.

К исходу седьмого дня, пройдя сосновый лес, мы поднялись на вершину холма. Здесь Карл Великий сотворил первую свою молитву на испанской земле, и латинская надпись на древнем

обелиске просила, чтобы в память этого события все проходящие прочитали вслух или про себя «Сальве Регина...». Мы с Петрусом вняли этому призыву. Потом мой спутник велел мне в последний раз повторить упражнение.

Было ветрено и холодно. Я начал было отнекиваться, уверяя, что еще рано — всего часа три, — но Петрус попросил меня не возражать и делать, что говорят.

И я опустился на колени. Все шло обычным порядком до тех пор, пока я не простер руки, представляя себе солнце. И в тот миг, когда огромное светило заблестало передо мной, почувствовал, что вхожу в небывалый экстаз. Моя человеческая память стала медленно гаснуть, и я уже не выполнял упражнение, но будто и в самом деле превратился в дерево. И был доволен этим, более того — счастлив. Сияющее солнце вращалось вокруг своей оси — такого ни разу не бывало прежде. И вот, широко раскинув ветви, на которых ветер потряхивал листву, я замер, мечтая лишь никогда больше не сходить с этого места. Тут я ощутил какое-то прикосновение — и тотчас, в долю секунды, стало темно.

Я немедленно открыл глаза. Петрус похлопывал меня по щекам, тряс за плечи.

— Не забудь, зачем ты сюда пришел! — гневно повторял он. — Не забудь, что тебе предстоит еще очень многое познать, прежде чем ты найдешь свой меч!

Я сел на землю, дрожа от пронизывающего ветра.

— Так всегда бывает?

— Почти всегда, — ответил Петрус. — Особенно с такими, как ты, — с теми, кто, пленяясь деталями, забывает о главном.

Он достал из рюкзака и надел свитер. Я тоже натянул рубашку поверх футболки с надписью «I LOVE NY». Вот бы не подумал, что в «самое жаркое лето за последние десять лет» — так, по крайней мере, утверждали газеты — буду страдать от стужи. Плотная рубашка спасала от ветра, но все же я попросил Петруса прибавить шагу, чтобы я мог согреться.

Дорога шла под уклон, идти было легко. Я высказал предположение, что так замерз потому, что питались мы очень неосновательно — ели рыбу да дикие плоды⁹. Петрус объяснил мне — дело не в том: просто мы поднялись довольно высоко в горы.

Шагов через пятьсот дорога делала поворот — и мир внезапно преобразился. Перед нами простирались плавные всхолмления необозримой долины. А слева дорога вела вниз, туда, где метрах в двухстах, приветливо дымя печными трубами, раскинулся чистенький городок.

Я ускорил шаги, но Петрус удержал меня.

— Полагаю, что сейчас самое время научить тебя Второму таинству RAM, — сказал он, сядя на землю и жестом предлагая мне сделать то же.

Я повиновался, хоть и не без досады. Маленький городок с дымящими трубами неодолимо влек меня к себе. Я вдруг вспомнил, что целую неделю не вижу людей и либо ночую в чистом поле под открытым небом, либо иду с рассвета до заката. Кроме того, у меня кончились сигареты и приходилось курить ужасающий табак, из которого Петрус сворачивал себе самокрутки. Это в двадцать лет хорошо есть ничем не сдобренную рыбу и на ночь забираться в спальный мешок, но здесь и сейчас, на Пути Сантьяго, все это требовало значительных усилий. Нетерпеливо дожидаясь, когда Петрус свернет самокрутку, я мечтал согреться стаканчиком вина в таверне, до которой было минут пять ходьбы.

Но Петрус явно не мерз в своем свитере, сохранял спокойствие и рассеянно оглядывал огромную равнину.

— Ну, как тебе переход через Пиренеи? — осведомился он чуть погодя.

— Очень мило, — ответил я, не желая продолжать разговор.

— Должно быть, и впрямь очень мило, раз вместо одного дня мы потратили — шесть.

Я ушам своим не поверил, и тогда он достал карту и показал мне пройденное нами

расстояние — семнадцать километров. Конечно, спуски и подъемы замедляли путь, но все же покрыть его можно было за шесть часов.

— Ты так увлечен поисками своего меча, что упустил из виду кое-что еще более важное — к нему надо *идти*. Ты так пристально вглядывался в Сантьяго — а отсюда его не видно, — что не замечал: иные места мы проходили по четыре-пять раз, только — с разных сторон.

Только теперь, после слов Петруса, я вспомнил, что самая высокая вершина Пиренеев — Монте-Ичашеги — появлялась то слева, то справа. Впрочем, даже если бы я обратил на это внимание, то все равно бы не догадался, что мы кружили на месте.

— Я всего лишь вел тебя разными путями, используя тайные тропы, которыми ходят контрабандисты. Но ты обязан был заметить это. А не заметил потому, что для тебя не существовало самого процесса пути. Существовало только твое желание прибыть в конечную точку.

— Ну а если я все же догадался бы?

— В таком случае я придумал бы иной способ пробыть в пути не менее семи дней, ибо именно этот срок предписан таинствами RAM.

От удивления я даже позабыл и про холод, и про городок.

— Когда движешься к цели, — продолжал Петрус, — очень важно обращать внимание на путь, которым следуешь. Путь — именно путь — всегда подсказывает нам наилучший маршрут и обогащает нас, когда мы одолеваем его. Если сравнивать это с сексом, то можно сказать: предварительные ласки делают оргазм ярче и сильнее. Каждый тебе это подтвердит.

То же самое — и цель, которую ты преследуешь. Она может оказаться лучше или хуже — в зависимости от того, какой путь избрал ты для достижения ее, и от того, как ты пройдешь по этому пути. Поэтому-то столь важно Второе таинство RAM. Смысл его в том, чтобы извлечь тайну из того, что мы видим ежедневно и к чему пригляделись так, что перестали замечать.

И Петрус научил меня *УПРАЖНЕНИЮ СКОРОСТИ*.

— В городе, среди наших повседневных дел, это упражнение должно занимать двадцать минут. Но, поскольку мы с тобой следуем Дивным Путем Сантьяго, у нас оно займет час.

Мне вновь стало холодно, и я смотрел на Петруса умоляюще. Однако он сделал вид, что не замечает: поднялся, взял рюкзак, и мы с приводящей в отчаянье медлительностью начали одолевать двести метров до городка.

Сначала я смотрел только на таверну — старинный двухэтажный домик с деревянной вывеской над дверью. Мы подошли так близко, что я смог различить даже выбитый под крышей год постройки — 1652. Мы двигались, но казалось, не трогаемся с места. Петрус еле передвигал ноги, и я уподоблялся ему. Достав из рюкзака часы, я надел их на запястье.

— Так будет еще хуже, — сказал он. — Потому что время не всегда течет в одном и том же ритме. Мы определяем его ритм.

И я, то и дело поглядывая на часы, убедился в правоте Петруса. Чем чаще я смотрел на циферблат, тем медленней ползла стрелка. И тогда, решив последовать совету моего проводника, я сунул часы в карман. Я попытался сосредоточиться на другом: стал всматриваться в окружающий нас пейзаж, изучать камни под ногами, однако постоянно переводил взгляд на таверну — и убедился, что мы практически не приблизились к ней ни на пядь. Тогда я попробовал рассказывать самому себе какие-то истории, но дело не пошло — упражнение вселяло в меня такую нервозность, что я не мог сосредоточиться. И когда, не выдержав, я вновь вытащил часы, то убедился — прошло всего-навсего одиннадцать минут.

— Не превращай это упражнение в пытку — оно не для этого придумано, — заметил Петрус. — Попытайся обрести наслаждение в скорости, к которой ты не привык. Меняя ход повседневности, ты позволишь новому человеку родиться в тебе. Но, впрочем, решай сам.

Последнюю фразу он произнес мягко, и это немного успокоило меня. Что ж, если решать должен я сам, надо воспользоваться ситуацией. Я глубоко вздохнул и постарался ни о чем не думать — впасть в такое состояние духа, когда время течет где-то в отдалении и никак меня не касается. Я все больше успокаивался и постепенно другими глазами увидел все, что меня окружало. И воображение, прежде бунтовавшее против меня, теперь становилось моим союзником. Глядя на городок впереди, я сочинял историю о нем — о том, как его основали и

построили, о том, как приходили туда паломники, как, простыв на холодных ветрах Пиренеев, радовались они теплу и гостеприимству его жителей. И вот пришла минута, когда я почувствовал в нем присутствие какой-то мудрой и таинственной силы. И мое воображение заполнило долину рыцарями, сделало ее полем битвы. Я видел, как сверкают на солнце клинки мечей, слышал воинственные клики. И городок стал чем-то большим, нежели местом, где мне предложат стакан вина и теплое одеяло, — теперь он превратился в историческую вежу, в память о героических деяниях человека, все бросившего ради того, чтобы обосноваться в этой глуши. Я понял, как редко обращал внимание на мир вокруг себя.

А когда ко мне вернулась способность воспринимать действительность, мы стояли у дверей таверны и Петрус приглашал меня войти.

Упражнение «Скорость»

В течение двадцати минут вдвое уменьшите скорость, с которой вы обычно передвигаетесь. Внимательно вглядывайтесь во все, что вас окружает, — в предметы, природу, людей. Наилучшее время для этого упражнения — после обеда.

Повторяйте упражнение неделю.

— Я тебя угощаю, — сказал он. — Выпьем и пораньше ляжем спать, потому что завтра я должен буду представить тебя великому магу.

Я спал тяжелым сном без сновидений. И когда на двух единственных улочках городка под названием Ронсеваль забрезжил день, Петрус постучал в дверь моего номера. Мы ночевали на втором этаже таверны, которая служила еще и гостиницей.

Мы выпили по чашке черного кофе, поели хлеба с оливковым маслом и тронулись в путь. Густой туман окутывал городок. Я понял, что Ронсеваль — не просто захолустный городок, как казалось мне сначала: в ту пору, когда паломничество в Сантьяго-де-Компостелу было массовым, там находился самый крупный в округе монастырь, владевший землями вплоть до самой наваррской границы. Следы этого сохранились и доньне — немногочисленные дома его были прежде частью монастырской обители. Единственной «мирской» постройкой была таверна, в которой мы провели ночь.

В тумане мы добрались до монастырской церкви. Вошли, увидели нескольких монахов в белом, которые совершали первую утреннюю мессу. Я не понимал ни слова, ибо молились они по-баскски. Петрус присел на скамейку и попросил меня сесть рядом.

Церковь была огромных размеров и полна бесценных произведений искусства. Петрус шепотом

рассказал мне, что построена она была на пожертвования королей и королев Португалии, Испании, Франции и Германии, а место для нее выбрал некогда сам Карл Великий. У главного алтаря Пречистая Дева Ронсевальская — образ ее был отлит из серебра, а лик вырезан из дерева благородных пород — держала в руках ветвь с цветами, сделанными из драгоценных камней. От запаха ладана, от величественной готики, от хора молящихся я впал в состояние, подобное тому, какое прежде испытывал, совершая ритуалы Традиции.

— Ну а маг? — осведомился я, вспомнив сказанные накануне слова Петруса.

Тот молча показал глазами на худощавого, средних лет монаха в очках, который сидел рядом с другими на длинной скамье, окружавшей главный алтарь. Возможно ли: монах — и одновременно маг? Мне хотелось, чтобы месса поскорее закончилась, но ведь Петрус сказал

мне, что ход времени определяется исключительно нами, и благодаря снедавшему меня нетерпению служба продолжалась больше часа.

Когда же наконец отзвучали последние слова, Петрус, оставив меня на скамейке, вышел вслед за монахами в заднюю дверь. Я разглядывал пышное убранство храма и признавал, что должен был бы помолиться, однако ничего не получалось. Я ни на чем не мог сосредоточиться: изображения святых казались мне бесконечно далекими, принадлежащими временам, которые минули и никогда больше не воротятся, как никогда не настанет вновь золотой век Пути Сантьяго.

Петрус появился в дверях и молча подозвал меня к себе.

Мы вышли во внутренний монастырский сад. Посередине стоял фонтан, и, присев на край каменной чаши, поджидал нас монах в очках.

— Отец Хавьер, вот пилигрим, о котором я вам говорил, — отрекомендовал меня Петрус.

Монах протянул мне руку; мы поздоровались, и замолчали. Я ждал — вот-вот что-нибудь произойдет, однако слышались только петушиный крик да клекот ястребов, вылетевших на ежедневную охоту. Монах смотрел на меня безо всякого выражения — примерно так же, как мадам Дебриль, когда я произнес Древнее Слово, — и наконец все же первым нарушил долгое и тягостное молчание:

— Сдается мне, мой дорогой, рановато начали вы взбираться по ступеням Традиции.

Я ответил, что мне уже тридцать восемь лет и я с честью прошел все ордалии¹⁰.

— Все, за исключением одной — последней и самой важной, — сказал он, продолжая глядеть на меня все так же безразлично. — А без нее все, чему вы научились, ничего не стоит.

— Потому-то я и совершаю Путь Сантьяго.

— Это ничего не гарантирует. Идите за мной. Петрус остался в саду, я же двинулся следом за отцом Хавьером. Пройдя несколько крытых галерей, миновав гробницу, где упокоились останки короля Санчо Сильного, мы оказались в маленькой часовне, стоявшей несколько на отшибе от основных зданий Ронсевальского монастыря.

Внутри не было ничего, за исключением стола, на котором лежали книга и меч. Но это был не мой меч.

Монах расположился за столом, не предложив мне присесть. Он взял пучок каких-то трав и поджег их, отчего часовню окутал легкий аромат дыма. С каждой минутой происходящее все больше напоминало мне встречу с мадам Дебриль.

— Прежде всего, хочу предостеречь вас, — сказал отец Хавьер. — Путь святого Иакова — всего лишь один из четырех. Это — *Пиковый Путь*. Он может наделить вас могуществом, но этого еще недостаточно.

— Каковы же три других?

— Два, по крайней мере, вам известны. Первый — это Путь Иерусалимский, или *Червовый*, или *Грааля*: он дарует умение творить чудеса. Второй —

Римский, или *Трефовый Путь*, который научит общению с другими мирами.

— Не хватает только Бубнового, чтобы собрать все масти карточной колоды, — пошутил я.

— Совершенно верно, — засмеялся отец Хавьер. — Это тайный путь. Если вы когда-нибудь пройдете по нему, то обязаны будете молчать об этом. Пока оставим его. Где ваши раковины?

Открыв рюкзак, я достал раковины с образом Богородицы Визитации. Монах поставил их на стол, простер над ними руки и стал концентрировать волю, попросив меня сделать то же самое. Аромат благовоний становился все сильнее. Глаза наши были открыты, и внезапно я заметил, что происходит то же явление, что и в Итатьяе — раковины изнутри налились светом, который ничего не освещал. Исходящий из гортани отца Хавьера голос произнес:

— Там, где твоё сокровище, там и твоё сердце. Это была фраза из Библии. Но голос

продолжал:

— А там, где твое сердце, — там и колыбель Второго Пришествия Христа. Как и эти раковины, паломник — это всего лишь оболочка. Когда разобьется оболочка, которая есть верхний слой Жизни, появится сама Жизнь, состоящая из *Agape*¹¹.

Он убрал руки, и свечение исчезло. Потом записал мое имя в книгу, лежавшую на столе. На всем Пути Сантьяго мое имя было записано всего лишь трижды — в книгу мадам Дебриль, в книгу отца Хавьера и — уже потом — в книгу Могущества, куда я занес себя собственноручно.

— Вот и все, — промолвил монах. — Теперь можете идти. Да благословят вас Пречистая Дева Ронсевальская и святой Иаков.

— Путь Сантьяго отмечен желтым по всей Испании, — сказал он, когда мы вернулись туда, где ожидал нас Петрус. — Если заблудитесь, ищите эти знаки — на деревьях, на камнях, на дорожных указателях, — они выведут вас куда надо.

— У меня хороший проводник.

— Старайтесь прежде всего рассчитывать на самого себя. Тогда, быть может, не придется шесть дней кряду кружить по Пиренеям.

Выходит, Петрус уже рассказал ему о моей оплошности.

Мы попрощались. Когда выходили из Ронсеваля, туман уже совсем рассеялся. Прямой и ровный путь расстился перед нами, и я стал искать желтые знаки, о которых упомянул падре Хавьер. Рюкзак потяжелел — в таверне я купил бутылку, хоть Петрус и говорил, что в этом нет нужды. После Ронсеваля на протяжении нашего пути должны были встретиться еще сотни городков, но спать под крышей мне почти не придется.

— Петрус, а почему падре Хавьер говорил о Втором Пришествии Христа так, словно оно происходит сейчас?

— Так оно и есть. Оно происходит всегда. В этом — тайна твоего меча.

— И вот еще... Ты, помнится, сказал, что я встречусь с колдуном, а я встретил монаха. Что общего у магии с католической церковью?

В ответ Петрус произнес одно-единственное слово:

— Всё.

— Вот здесь, на этом самом месте, была убита Любовь, — сказал старик-крестьянин, указывая на маленькую часовню, притулившуюся у скалы.

Мы шли пять дней кряду, останавливаясь лишь для того, чтобы поесть и поспать. Петрус предпочитал не распространяться о своей жизни, но много расспрашивал меня о Бразилии и моей работе. Говорил, что ему нравится моя страна и что Христос Спаситель, простирающий руки на горе Корковадо, ему гораздо больше по душе, чем тот, кого изображают распятым на кресте. Петруса интересовало все, но особенно он любопытствовал насчет бразильских женщин — такие же они красивые, как испанки? Жара в те дни стояла непереносимая, и почти во всех закуточных и в деревеньках, где мы останавливались по дороге, народ жаловался на засуху. Из-за жары мы стали соблюдать сиесту, как испанцы, и отдыхали с двух до четырех дня, когда солнце припекало особенно сильно.

В тот день мы устроили привал в оливковой роще, и к нам подошел один старый крестьянин, угостивший нас вином. Испанцы имеют обыкновение пить вино в любую погоду, так что жара им не помеха — обычая этого в здешних краях придерживаются уже много веков.

— А что вы подразумевали, сказав, что здесь была убита Любовь? — поинтересовался я, так как мне показалось, что старик не прочь поговорить.

— Много веков назад одна принцесса совершала паломничество по Пути Сантьяго. Звали ее Фелиция Аквитанская, и вот, на обратном пути, она вдруг решила бросить все и остаться жить здесь. Она и была этой Любовью — богатство свое раздала беднякам, а сама стала ухаживать за немощными.

Петрус свернул одну из своих чудовищных самокруток, и я заметил, что он, хоть и пытается выглядеть равнодушным, к рассказу прислушивается внимательно.

— И тогда отец принцессы послал за ней ее брата, герцога Гильермо, чтобы тот вернул ее домой. Но Фелиция отказалась с ним пойти. Герцог, отчаявшись ее уговорить, пришел в ярость и заколол ее прямо в той церкви, что видна отсюда. А церковку эту Фелиция построила собственноручно, чтобы было где лечить бедняков и возносить молитвы Богу.

Когда герцог опомнился и понял, что совершил, он отправился в Рим — покаяться Папе. И тот наложил на него епитимью — совершить паломничество по тому же Пути Сантьяго. Вот тут и произошла интереснейшая вещь: когда герцог уже возвращался, он, дойдя до здешних мест, вдруг испытал чувства, весьма сходные с теми, что обуревали в свое время и его сестру. Так он и остался жить здесь, в той самой церкви, что построила Фелиция, и заботился о бедных до конца своих дней.

— Это закон воздаяния, — рассмеялся Петрус.

Старик его не понял, но я сообразил, о чем он говорит. Мы с ним давно уже вели долгие теологические споры об отношениях между Богом и человеком. Я настаивал, что в Традиции всегда имеется связь с Богом, хоть и далеко не простая. И путь к Богу, по моему мнению, не имеет ничего общего с тем паломничеством по Пути Сантьяго, которое мы сейчас совершаем, — с его священниками-колдунами, цыганами-дьяволятами и со святыми, совершающими чудеса. Все это мне казалось примитивным и слишком тесно связанным с христианством. Мне не доставало очарования, изящества и экстаза, свойственных ритуалам Традиции. Петрус, со своей стороны, утверждал, что главным достоинством Пути Сантьяго является его *простота*. Это Путь, по которому может пройти каждый, смысл его понятен не изощренному в премудростях обычному человеку, а потому только такой путь может привести к Богу.

— Вот ты веришь в Бога, и я тоже, — сказал в какой-то момент Петрус. — Так что Бог

существует для нас обоих. Но, если кто-то не верит в него, это не означает, что Бог прекратил быть. Также это не значит, что неверующий ошибается.

— Как же так? Разве это не будет означать, что существование Бога зависит от желания и личной силы человека?

— У меня был когда-то друг, который пил не просыхая, но при этом каждый вечер перед сном трижды читал «Аве Мария». Мать приучила его к этому с детства. И даже когда он бывал пьян в стельку, он, хотя вовсе не верил в Бога, обязательно перед сном читал эту молитву трижды. После того как он умер, я присутствовал на одном ритуале Традиции и спросил там духа Древних, где сейчас мой друг. Дух ответил, что с моим другом все прекрасно, он пребывает в Свете. Получается, что, даже не имея веры, а только совершая ежедневно молитвенный ритуал, он получил спасение.

Доисторический пещерный человек смог увидеть проявление Бога в явлениях природы — грозах, бурях, землетрясениях. Обнаружив руку Божью в природных явлениях, люди стали замечать его присутствие и в животных, а потом и в рощах, которые почитали священными. Бывали и такие времена в древней истории, когда Бога можно было отыскать лишь в катакомбах. Однако даже тогда Бог, принявший обличье Любви, не переставал заполнять собой сердца человеческие.

В наше время решили, что Бог — это всего лишь концепция, справедливость которой может быть доказана научными методами. Однако, как только доходит до этой точки, история круто поворачивает и все начинает сначала. Таков закон воздаяния. Когда падре Хавьер приводил слова Иисуса о том, что где наше сокровище, там и наше сердце, он как раз хотел подчеркнуть значение Любви и добрых дел. Ты увидишь лик Господа там, где захочешь Его увидеть. А если даже и не увидишь, это не играет роли — лишь бы ты при этом совершал добрые дела. Когда Фелиция Аквитанская построила эту церковь и стала помогать бедным, она забыла о ватиканском Боге и принялась проявлять Его самым незамысловатым и самым мудрым способом — через Любовь. Так что старик совершенно прав, говоря, что здесь была убита Любовь.

Старик меж тем чувствовал себя очень неловко, ибо не понимал ни слова из нашего разговора.

— Закон возмездия сработал, когда брат Фелиции почувствовал необходимость продолжить те добрые дела, которые он сам оборвал. Все дозволено, кроме одного: нельзя прерывать проявление Любви. Если же это все-таки произошло, тот, кто пытался ее уничтожить, и должен возродить.

Я объяснил ему, что в моей стране закон возмездия понимается в том смысле, что люди, испытывающие страдания и лишения в этой жизни, таким образом расплачиваются за ошибки, совершенные в прошлых воплощениях.

— Чепуха! — ответил Петрус. — Бог не мстит, Бог есть Любовь. Единственная форма наказания, к которой Он может прибегнуть, — это заставить того, кто прервал течение Любви, вновь его возродить.

Тут старик сказал, что, с нашего разрешения, вновь примется за работу. Петрус счел, что это прекрасный предлог для того, чтобы подняться и продолжить путь.

— Пустая трата слов, — произнес он, когда мы брели по оливковой роще. — Бог — во всем, что нас окружает. Его присутствие надо прочувствовать или пережить. И напрасно я, желая, чтобы ты быстрее это понял, решил обратиться к логическим построениям. Продолжай делать упражнение «Скорость», — и ты сам с каждым днем все явственнее будешь ощущать его присутствие.

Два дня спустя мы взобрались на гору, которая называлась Пик Прощения. Восхождение

заянцало несколько часов, а когда мы оказались наверху, я был шокирован, обнаружив там группу пьяненьких туристов — они загорали и пили пиво; радио в их машинах гремело вовсю. Они воспользовались близлежащей дорогой, ведущей прямо к вершине.

— Вот так это теперь делается, — резюмировал Петрус. — А ты, небось, рассчитывал узреть тут кого-нибудь из рыцарей Сида, высматривающего, не видать ли мавров?

Когда мы спускались, я последний раз выполнил упражнение «Скорость». Перед нами открылась еще одна окаймленная цепью голубых гор огромная долина с редкой растительностью, сожженной зноем. Здесь почти не было деревьев, лишь там и сям на каменистой почве гнездились колючие кустарники. После упражнения Петрус спросил меня что-то о моей работе, и я только тут сообразил, что давно уже не вспоминаю о ней. Мои волнения по поводу брошенных на полдороге дел практически исчезли. Теперь я думал о них лишь по вечерам, но и тогда эти мысли уже не казались мне столь важными. Мне нравилось, что я нахожусь здесь и следую Путем Сантьяго.

Когда я поделился с Петрусом своими чувствами, он пошутил:

— Смотри, скоро дойдешь до того же, что и Фелиция Аквитанская!

Потом он остановился и попросил меня положить рюкзак на землю.

— Оглядишься вокруг и наметь себе какой-нибудь удобный ориентир, — сказал он.

Я выбрал крест на верхушке отдаленной церкви.

— Продолжай смотреть туда, не отрываясь, а сам сосредоточься на моих словах. Даже если у тебя возникнут какие-то посторонние ощущения, не отвлекайся на них. Просто делай то, что я буду тебе говорить.

Расслабившись, я стоял, вперив взгляд в крест, а Петрус подошел ко мне сзади и надавил пальцем на точку между затылком и шеей.

— Путь, по которому ты идешь, есть путь обретения Могущества. И показаны тебе будут лишь те упражнения, которые имеют отношение к нему. Это путешествие, которое поначалу казалось тебе пыткой, ибо ты мечтал лишь о том, чтобы поскорее достичь цели, теперь начинает доставлять тебе удовольствие. Ты испытываешь радость поиска и наслаждаешься приключениями. И попутно возвращаешь в себе самом нечто очень важное — свои собственные мечты.

Никогда нельзя отказываться от мечты! Мечты питают нашу душу, так же как пища питает тело. Сколько бы раз в жизни нам ни пришлось пережить крушение и видеть, как разбиваются наши надежды, мы все равно должны продолжать мечтать. Если это не удастся, то нами овладевает безразличие и *Agape* не может больше снизойти в нашу душу. На тех полях, что простираются сейчас перед нами, было пролито много крови, здесь разворачивались самые жестокие битвы испанцев против мавров. Кто из них был прав, или на чьей стороне была справедливость, это уже не имеет значения — важно лишь понять, что обе враждующие стороны вели *Правый Бой*.

Правый Бой мы ведем потому, что этого требует наше сердце. В героические времена — времена странствующих рыцарей — это было просто. Еще существовали земли, которые надо было покорить, имелся простор для славных деяний. Сегодня, однако, когда мир сильно изменился, этот Правый Бой идет не на полях сражений, а в нашей душе.

Правый Бой мы ведем во имя нашей мечты. Когда мы молоды и впервые начинаем воплощать наши чаяния, смелости нам не занимать, хотя бороться толком мы не умеем. С огромными усилиями позже мы обучаемся искусству вести сражение, но к тому времени теряем отвагу, которая нужна для битвы. И потому мы оборачиваемся против себя и начинаем сражаться с собой. Мы становимся врагами самим себе. Мы твердим, будто наши мечты — это просто ребяческий вздор, который невозможно воплотить в жизнь, или что они родились

потому лишь, что мы еще мало знали о том, какова жизнь в действительности. Мы убиваем свои мечты, потому что боимся вступить в Правый Бой.

Петрус нажал посильнее. Тут я заметил, что очертания креста на церкви изменились, и теперь он превратился в крылатую человеческую фигуру. В ангела. Я заморгал, и крест снова стал крестом.

— Первый признак того, что мы начали убивать свою мечту, — это когда вдруг обнаруживается, что нам не хватает времени, — продолжал Петрус. — Самым занятым людям, каких я знал, всегда хватает времени на все их дела. Те же, кто ничего не делает, всегда чувствуют себя усталыми, не сознают, сколь малую толику работы им нужно сделать, и всегда жалуются, что день слишком короток. На самом же деле они просто боятся вступить в Правый Бой.

Второй признак того, что наша мечта погибает, — это обретение опыта. Мы перестаем воспринимать жизнь как одно большое приключение и начинаем думать, что с нашей стороны будет мудро, справедливо и правильно не требовать от жизни слишком многого. Когда мы пытаемся высунуться наружу за стены нашего обыденного существования, до нас доносится запах пыли и пота, мы видим жаждущие взоры воинов, слышим треск ломающихся копий, ощущаем горечь поражения. Но нам не дано понять радости, великой радости, что наполняет сердца всех тех, кто сражается. Ибо для них не важны победа или поражение — значение имеет лишь то, что они ведут Правый Бой.

И наконец, третий признак утраченной мечты — это умиротворение. Жизнь делается похожа на воскресный вечер: мы мало чего требуем от жизни, но и почти ничем не жертвуем. Мы начинаем считать себя взрослыми, зрелыми людьми, полагая, что наконец избавились от детских мечтаний, от юношеских фантазий, и стремимся лишь, как говорится, к успеху в работе и личной жизни. И нас удивляет, когда наши сверстники вдруг заявляют, что им нужно от жизни чего-то еще. На самом деле в глубине души мы догадываемся: все это происходит с нами потому, что мы отказались сражаться за свою мечту — отказались вступить в Правый Бой.

Очертания колокольни продолжали меняться, теперь вместо нее я видел ангела с распростертыми крыльями. И сколько бы я ни моргал, ангел не исчезал. Мне очень хотелось обсудить с Петрусом то, что я вижу, но я понимал, что он еще не договорил.

— Когда мы отрекаемся от мечты и обретаем умиротворение, — сказал он немного погодя, — то вступаем в краткий период спокойной жизни. Но потом убитые мечты начинают разлагаться и тлеть внутри нас, отравляя все наше существование. Мы становимся жестокими сначала с близкими людьми, а потом и с самими собой. Тогда-то и возникают у людей болезни душевные и телесные. Наша трусость приводит нас как раз к тому, чего мы пытались избежать, отказываясь от борьбы, — к разочарованию и поражению. А потом, в один прекрасный день смрад гниющих мечтаний становится просто нестерпимым, мы начинаем задыхаться и желать смерти. Смерти, которая освободит нас от нашей самоуверенности, от наших дел и от убийственного покоя воскресных вечеров.

Теперь я был уверен, что действительно вижу ангела, и уже не мог следить за тем, что говорит Петрус. Он, должно быть, почувствовал это, потому что убрал руку от моего затылка и умолк. Видение продержалось еще несколько мгновений, а потом исчезло. Вместо него опять возникла колокольня.

Несколько минут мы оба молчали. Петрус скрутил самокрутку и закурил. Я достал из рюкзака бутылку вина и приложился к ней. Вино было теплое, но не потеряло своего вкуса.

— Что ты видел? — спросил Петрус.

Я рассказал ему про ангела. Уточнил, что сначала, как только я моргал, видение исчезало.

— Тебе тоже надо научиться вести Правый Бой. Бросаемые жизнью вызовы ты принимать уже научился, к приключениям готов, а вот признавать сверхъестественное все еще не желаешь.

Петрус вытащил из своего рюкзака маленькую вещицу и протянул ее мне. Это была золотая булава.

— Это подарок моей бабушки. В ордене RAM все древние мудрецы имели подобные вещицы. Она называется «Острые Жестокости». Впервые увидев ангела на шпиле, ты не захотел поверить своим глазам. Ибо это было нечто такое, к чему ты не привык. В твоей картине мира церковь — это церковь, а видения могут возникать лишь после того, как обряды Традиции введут тебя в экстаз.

Я возразил, что мое видение могло быть вызвано тем, что он нажимал на определенную точку между затылком и шеей.

— Верно, но это ничего не меняет. Факт заключается в том, что ты его *отверг*. У Фелиции Аквитанской, должно быть, тоже было подобное видение, и она посвятила ему всю свою жизнь. В результате все, что она делала, было деянием Любви. То же самое, вероятно, произошло и с ее

братом. И то же самое происходит с любым человеком ежедневно: мы всегда знаем, какой путь является самым лучшим, но следуем по наиболее привычному.

Петрус зашагал дальше, и я последовал за ним. Золотая булавка у меня в руке сверкала в лучах солнца.

— Единственный способ спасти наши мечты — это проявить великодушие по отношению к себе. Малейшая попытка самобичевания должна подавляться неукоснительно! И чтобы прочувствовать, что мы жестоки к себе, каждую попытку испытать душевные страдания — вину, стыд, нерешительность, трусость — надо превращать в физическую боль. Превращая душевную боль в физическую, мы тем самым получаем возможность видеть, какой вред она нам причиняет.

И Петрус обучил меня *УПРАЖНЕНИЮ ЖЕСТОКОСТИ*.

Упражнение «Жестокость»

Каждый раз, как тебе в голову приходит нечто, что заставляет плохо думать о себе, — будь то ревность, жалость к себе, зависть, ненависть и так далее, — сделай следующее:

Вонзи ноготь указательного пальца в основание ногтя большого и надавливай, пока не почувствуешь сильную боль. Сосредоточься на ней: это будет физический аналог твоих душевных страданий. Прекрати выполнять упражнение только тогда, когда исчезнут терзавшие тебя мысли.

Повторяй это столько раз, сколько будет необходимо, пока подобные мысли не оставят тебя совсем (даже если для этого придется нажимать снова и снова). С течением времени мучительные мысли будут приходить все реже и в конце концов исчезнут совсем, но пока этот момент не наступил, надо обязательно выполнять упражнение, как только они появляются.

— В древности для этого использовали золотые булавки, — сказал он. — А в наши дни все изменилось, точно так же, как пейзажи в окрестностях Пути Сантьяго.

В этом Петрус был прав. Теперь, когда мы спустились с гор, та равнина, что открывалась нам сверху, оказалась грядой холмов, высившихся прямо перед нами.

— Вспомни, когда ты сегодня был к себе жесток, и займись этим упражнением.

Я попытался, но в голову ничего не приходило.

— Так всегда и бывает. Мы вдруг становимся добренькими по отношению к себе как раз тогда, когда нужна суровость.

Внезапно я припомнил, как обозвал себя идиотом, когда обнаружил, что тот путь, который я старательно преодолел, взбираясь на вершину Пика Прощения, туристы спокойно проехали на машинах. Я сообразил, что был несправедлив и жесток по отношению к себе: ведь туристы, в конце концов, просто искали место, где позагорать, тогда как я ищу свой меч. И конечно, хотя в тот момент я почувствовал себя идиотом, но таковым вовсе не являлся. С силой вонзив ноготь в лунку большого пальца, я почувствовал острую боль. По мере того как я сосредоточивался на ней, ощущение того, что я выглядел полным идиотом, постепенно рассеивалось.

Я сообщил об этом Петрусу, он в ответ рассмеялся, но не сказал ни слова.

В тот вечер мы остановились в удобной гостинице в деревеньке, где была расположена та самая церковь, колокольную которой я видел издали. После ужина мы решили для лучшего пищеварения немного прогуляться по улицам.

— Из всех способов нанести вред самому себе самые болезненные — те, где затронута Любовь. Мы всегда умудряемся страдать, когда кто-то нас не любит, или кто-то нас бросил, или, наоборот, кто-то от нас никак не отвяжется. Если мы остаемся одни, то страдаем от одиночества, если мы женимся, мы превращаем брак в рабство. Все это просто ужасно! — сердито произнес Петрус.

Мы дошли до площади, где была та церковь, на которую я смотрел. Церковь была маленькая, выстроена просто, безо всяких архитектурных излишеств. Шпиль колокольни, казалось, возносился до небес. Я попытался было увидеть ангела, да не смог.

Петрус глядел на крест, и мне показалось — уж он-то видит ангела, но тут он заговорил, и я понял, что ошибался.

— Когда Сын Божий сошел на землю, Он принес нам Любовь. Но люди не понимают Любви без жертв и страданий, а потому вскоре распяли Иисуса. А иначе никто не поверил бы в Любовь, что принес с собой Христос, ибо люди привыкли ежедневно терпеть страдания из-за своих собственных страстей.

Мы присели на каменную ограду и засмотрелись на церковь. Петрус вновь нарушил тишину.

— Пауло, а ты знаешь, что значит слово «Варавва»? *Var* означает сын, а *авва* — отец.

Петрус неотрывно смотрел на крест на верхушке колокольни. Его глаза блеснули, и я почувствовал: он чем-то воодушевлен. Может быть, хотя я не был в этом уверен, — той самой Любовью, о которой он так много рассказывал.

— Замыслы божественной славы были столь мудры! — произнес он, и слова его отдались эхом на пустынной площади. — Когда Понтий Пилат призвал народ сделать выбор, он фактически не оставил им никакого выбора. Он вывел к народу двоих: один был исхлестан бичами и едва держался на ногах, а другой, Варавва, как подобает бунтарю, стоял с гордо поднятой головой. Бог знал, что народ предпочтет смерть слабого, чтобы Он таким образом доказал Свою Любовь.

— Но, независимо от их выбора, все равно в любом случае был бы распят Сын Божий, — так завершил Петрус свою речь.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить книгу](#)